

В.И. Поветкин

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНИХ ТЕКСТОВ:
ОТ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ К ВОСКОВОЙ
НОВГОРОДСКОЙ ПСАЛТЫРИ**

И сразу же возникает вопрос: почему не наоборот, скажем – от восковой Новгородской Псалтыри к берестяным грамотам? Известно же, что писание на воощенных костяных или деревянных табличках, це-рах, практиковалось уже в античности, то есть гораздо раньше, чем на бересте. Это видно и в Новгороде: книга с написанными на воске псалмами обнаружена археологами в слое десятых годов XI в., а самые ранние берестяные грамоты относятся ко второй четверти того же столетия.

Исторически и орудие письма – писало, костяное или металлическое, заостренное с одного конца и снабженное лопаточкой – с другого, своими прекрасными формами обязано именно письму по воску. Лишь позднее, например, в Новгороде писало использовалось шире: и при разлиновке книжных пергаменных листов, и для иконных прорисей на левкасе, и, естественно, для письма на восковых табличках, и, наконец, для записей на бересте. Причем во многих случаях, кроме письма по воску, рабочей стороной писала оказывалось только его острие, лопаточка же все чаще, по-видимому, служила украшением. Многочисленны случаи, когда при заглаживании ошибочных букв, текстов на бересте возможности лопаточки были ничтожны, поэтому места исправлений долго и нудно перечеркивались острым концом писала. Все это оправдано свойствами бересты: однажды продавленный на ней след неустрашим.

Разумеется, надо помнить об истории появления тех или иных вещей в быходе человека. И в случае письма на воске или бересте хотелось бы понять, как в зависимости от писчего материала использовалось писало. Ибо от точки касания его рабочих частей с воском или берестой рождается памятник письменности, и отсюда же может зависеть успешное восстановление поврежденного источника. И нынче, когда действительно возникает надобность в восстановлении древних текстов, мы подчиняемся не столько исторической последовательности изобретения различных писчих материалов, сколько очередности археологических открытий.

Именно по той причине, что в 1951-м и последующих годах в Новгороде стали обнаруживаться древние берестяные грамоты, возникли первые попытки скрепления их обрывков с целью надежного прочтения, хранения и показа в музеях. С точки зрения восстановитель-

ных работ, береста – иной писчий материал, нежели восковая поверхность черы, хотя в обоих случаях текст выдавливается острием писала. И все же без опыта работы с берестяными посланиями нынче вряд ли был бы возможен успех в восстановлении восковой книги.

В чем же состоит работа по приданию поврежденным берестяным грамотам наиболее цельного облика? Об основных способах такой работы я рассказывал в 1996 г. (*В.И. Поветкин. Опыт восстановления новгородских берестяных грамот // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. С. 139–147*). Сегодня лишь вкратце о них напомним, а в качестве дополнения приведу один достойный внимания пример, касающийся восстановления открытой в г. Торжке грамоты № 17.

Однако почту за честь начальные слова посвятить доброй памяти первого реставратора новгородских берестяных грамот – Михаила Никаноровича Кислова. Это на его долю неожиданно-негаданно в 1950–1970-е годы выпала полная загадок работа. В то время даже грамоты хорошей сохранности вызывали тревогу: как-то они поведут себя впоследствии, в каких условиях их хранить? С поврежденными же грамотами дело обстояло сложнее. На их состоянии отражались и природные особенности бересты, и ее толщина, и условия, в которых столетиями пребывали грамоты. Очень часто они обнаруживались с трещинами, изорванные, изрезанные, с корящимися и трудносоединимыми обрывками. Извлеченные из влажной земли, они начинают усыхать. За таким процессом надо внимательно следить и по мере надобности, замечая появление трещин, их скреплять, склеивать. Иначе потерявшая свои естественные свойства береста необратимо покоробится – документ пострадает не только в изначальных его формах, но, что самое главное, и в тексте, ибо на выявление написанного и должны направляться все усилия реставратора.

Особые трудности М.Н. Кислов испытывал из-за нехватки специальных клеящих веществ. Он опробовал доступные в 1950–1960-х годах клеи, как правило, необратимые, в сущности непригодные для работы. Вот почему в те годы он сумел восстановить лишь некоторые грамоты из числа не слишком пострадавших. Остальные же, так называемые тяжелые, оставались законсервированными до своего часа восстановления. Между тем рабочие поиски продолжались. Как во всяком новом деле, были тогда и радости, и огорчения, но все они в итоге составили достойное начало неслыханному опыту – опыту восстановления древних берестяных грамот.

Но как же обнаружился быстросохнувший нерастворимый в воде обратимый клей? В 1975–1976 годах, реконструируя деревянные

бытовые предметы древних новгородцев и подклеивая к подлинным обломкам предполагаемые утраченные части, я пользовался полибутил-метакрилатом, иначе, ПБМА. Он-то и был в начале 1980-х годов опробован при склеивании бересты. Разведенный ацетоном, он быстро застывает, и вместе с тем оставляет время на то, чтобы точнее состыковать склеиваемые обрывки. Такой клей обратим: отвердевший, он при необходимости может быть полностью растворен и удален. Он ценен тем, что не впитывается в бересту, не разрушает ее структуру. Соприкасаясь с берестой поверхностно, он в то же время достаточно вязок и удерживает в целостности обрывки грамоты. Важно и то, что он не пристаёт к стеклам, между которыми хранится склеенная грамота. Наконец, он не растворим в воде – это его свойство оказалось как нельзя кстати при восстановлении наиболее пострадавших грамот.

За период 1980–1990-х годов были восстановлены многие берестяные грамоты, и прежде всего самые поврежденные и трудночитаемые. Кроме них подверглись укрепительной обработке грамоты, открытые археологами в Звенигороде Галицком, Москве, Смоленске, Старой Руссе, Торжке.

Очередной, состоявшийся в 2001 г., сезон археологических исследований также отмечен открытиями: пополнились списки новгородских и новоторжских берестяных грамот. Каждая из них, согласно сложившейся традиции, прошла надлежашую укрепительную обработку.

Исключительна новоторжская грамота № 17 (Раскоп Воздвиженский-4, пласт 7, квадрат 84, глубина 120 см. Руководитель П.Д. Малыгин). Она была написана, согласно палеографической оценке А.А. Зализняка, в начале XIII в. и являет собой перечень грехов из «Слова о премудрости», созданного в XII в. епископом Кириллом Туровским. Грамота была извлечена из культурных наслоений, не столь пропитанных влагой, как в Новгороде, но одновременно содержащих разрушительные для бересты вещества. Огромная, величиной 556x90 мм, она, помещенная в корыто с водой, выглядела хорошо. Казалось, соедини ее обрывки, пройдишь клеем по трещинам – и памятник древнерусской письменности будет готов к всеобщему обозрению. Однако бедственное состояние грамоты сосредоточилось не снаружи, а внутри куска бересты. Последняя утратила свои природные упругие свойства и являла собой полугнилую резинисто-глинистую массу. Подобные случаи встречались и в новгородской практике. И потому известно, во что могла превратиться 17-я новоторжская грамота, окажись она, к примеру, на сухой поверхности раскопа. С ней происходило бы то, что бывает с болотной грязью, которая долго не может высохнуть: лежит гладенькая, как зеркальце, и вдруг

разом растрескивается на множество ракушек. Но если грязевые ракушки от воды вновь разбухнут, то с берестой обратного действия не произойдет. И все-таки 17-ю новоторжскую грамоту удалось уберечь от растрескивания и привести ее в надлежащий вид.

Сначала были вымыты ее обрывки, удалены крепко въевшиеся с обеих ее сторон комочки навозной и еще какой-то жесткой массы. Все это делалось в весьма горячей воде с помощью небольшой щетинной кисти и деревянной лопаточки. Затем грамота была вынута из воды, помещена между двумя плоскими стеклами, а сверху нагружена камнями для того, чтобы убавить ее морщины.

Спустя несколько часов грамота, как говорится, подвяла. Ее стало возможным раскрыть, промокнуть льняным полотенцем, протереть влагу на стеклах, вновь накрыть и вновь оставить под гнетом. Так повторялось, пока на поверхности грамоты не исчезли видимые следы влаги. Теперь можно было осуществить временную склейку разрозненных кусков и шелеватых мест.

Не удивительно, что клей в это время почти не приставал, белесые его подтеки, застывая, тут же отслаивались. Причина проста: береста лишь снаружи выглядела подсохшей, но внутри была избыточно влажной. И тем не менее от такой склейки, очень слабой, польза была. Важным являлось то, чтобы по мере высыхания куски бересты не коробились каждый сам по себе, а находились в единстве, пусть пока и относительно. Постепенно береста будет отдавать влагу, склейку потребуются не раз обновлять, и составляющие грамоту куски в конце концов ближе и надежнее окажутся подтянутыми один к другому.

Через каждые час-два в течение нескольких суток грамота освобождалась от грузов, со стекол в местах их прилегания к бересте удалялась испарина. Требовалась очень медленная и равномерная по всей плоскости бересты сушка. И вдруг по краям грамоты наметились слабо различимые трещинки. Явилась паническая догадка: началось, и с этим уже не справиться.

Оставалось одно: ускорить сушку срединной части грамоты. Но как? И тут на помощь пришла обыкновенная промокательная бумага. Именно ею грамота была обложена с лицевой и тыльной сторон, а затем, как и прежде, зажата между прозрачных стекол. В скором времени бумага, вобравшая в себя влагу, сморщилась, подошел момент замены ее на свежую. Несколько таких замен – и тревога за сохранность грамоты отступила. Можно было заниматься внешностью документа.

После обновления всех клеевых швов, – а клей теперь надежно схватывался с берестой, – этиловым спиртом были промыты некоторые

грязные места, мешавшие прочтению текста. Кроме того, с поверхности грамоты требовалось если не удалить полностью грубые морщины, то хотя бы их уменьшить. Последнее удалось сделать давно проверенным способом – обработкой грамоты под горячей струей водяного пара. Эта крайне осторожная операция позволяет размягчить, в допустимой мере растянуть давшие усадку нижние слои бересты и таким образом уменьшить морщины на лицевой стороне документа. Вот почему по последним измерениям даже столь сложная грамота удлинилась в ходе пропаривания от 550 до 561 мм, а затем, подсев, сохраняла длину – 556 мм.

Полнее об опыте восстановления данного памятника можно узнать из дневниковых записей от 2 по 13 августа 2001 г. С почтением вручаю мои записи Петру Дмитриевичу Малыгину, а в его лице – всем участникам Новоторжской археологической экспедиции. Замечу, что в записях идет речь об одной грамоте, но в ее восстановление вложен опыт многих прежних рабочих поисков. И потому 50-летие открытия в Новгороде первой грамоты, написанной на бересте – это и юбилейная дата всего новгородского опыта восстановления древних берестяных посланий.

Каким же образом такой опыт оказался применим к восстановлению Новгородской Псалтыри – книги, написанной на воске?

Коротко о находке. Книга была обнаружена 13 июля 2000 г. в древнем Людине конце Великого Новгорода в слое десятых годов XI в. (Раскоп Троицкий- XII, пласт 21, квадрат 1488. Руководитель – А.Н. Со рокин). Она состоит из трех липовых, по определению Джона Хатора, створок величиной 190x150x10 мм. Створки снаружи украшены резными узорами и когда-то посредством специальных отверстий скреплялись бечевкой. С внутренних сторон они снабжены неглубокими корытцами, «ковчезцами», какие бывают у иконных досок. У средней створки ковчезцы имеются с обеих ее сторон. Всего таких в книге четыре. Средняя величина каждого ковчезца 155x115 мм. В них-то и заливался в древности воск. На восковых табличках, страницах, с помощью писала записывались тексты псалмов, которые заучивались наизусть, затем заглаживались лопаточкой все того же писала. На месте прежних записей появлялись новые. Последними в книге были записаны, согласно христианской нумерации, 75 и 76 псалмы Асафа, а в конце четвертой страницы уцелели 4–6 стихи 67 псалма Давида. Книга была учебником. Ее изношенность, следы починки указывают на то, что ею лет 20–30 мог распоряжаться один из первых христианских наставников сразу же после крещения новгородцев в 990 г. Такому возрасту книги не противоречит и уровень писарского мастерства проповедника. В нескольких местах рукописи видны очерки, следы перехода от знака к знаку, словно

в скорописи, хотя характер древних букв ближе к печатным. Книга найдена в древнем навозном слое. Некогда ухоженная и целиком читаемая, нынче нуждается в небывалой для нее починке.

Восковые страницы местами беспорядочно рассыпались на сотни сравнительно крупных и на тысячи мельчайших, перемешанных с грязью, невыразимо легких, предательски хрупких и не желающих склеиваться кусочков. В других же местах тончайшие пластинки воска со следами букв словно приросли к деревянной основе, их невозможно будет, когда потребуется, отслоить без риска полной утраты. На каждой странице, кроме разве что первой, очевидны большие невосполнимые потери воска с текстами. Это значит, что «плавающие» кусочки из районов утрат составят в конце концов почти бесполезное приложение ко всему тому, что удастся восстановить.

Фотографии как первичного состояния страниц книги, так и поэтапного их изменения в ходе восстановительной работы останутся неотъемлемым сводом документов к подлиннику. Они будут свидетельствовать об успехах и неминуемых неудачах в этом неведомом для мировой практике деле.

Оглядываясь назад, на первые дни и недели, когда мы буквально все были равны в своей беспомощности перед столь неожиданной и, казалось, вот-вот способной вконец разрушиться находкой, многое хотелось бы пережить и начать заново, предупредить, исправить. Иначе хотелось бы и пытаться прочесть неведомый текст, и сдержаннее бы накалять обстановку при фотографировании, и иначе шевелить нагромождение зажатых между створками восковых кусочков, и осторожнее заливать все это водой для промывки от грязи. И копаясь в скучной, временами непролазной древней навозной жиже, хотелось бы и саму эту драгоценность найти иначе. Но все уже на полке времени. Руководством к действию были, с одной стороны, конкретный миг, а с другой – неизвестность будущего. Представлялось: книга хоть и в плачевном состоянии, но она пока что есть, а что с ней будет завтра, если уже нынче из-под восковых ее кусочков-недотрог, из раскисающей массы все увереннее ползут юркие, едва приметные червячки? Понятно, надо зафотографировать книгу пока не поздно во всех необходимых деталях и поворотах в лучах выгодного яркого света... Словом, на пороге вот такой тревожной неопределенности мне представилась возможность взглянуть на рукопись, прикоснуться к ней и ощутить безнадежность положения. Однако и медлить далее было нельзя: почти реальной виделась утрата если не всего памятника, то значительной его части. Начались робкие попытки поиска путей к его восстановлению.

В чем роковая особенность данной находки? Книга состоит из неоднородных материалов – дерева и воска. Липовые створки, попав на тысячу лет в мокрый слой земли, утратили здоровые свойства и нуждаются в длительной укрепительной обработке полиэтиленгликолями. В связи с этим от створок надо отделить воск, перенести его на новую основу, а спустя время в собранном виде вернуть на прежнее место. Особого решения требовал воск в виде тонкослойных участков с множеством трещинок; он сцеплен с деревянной основой, снятие его грозит невозможным разрушением, остается надеяться на то, что мелкие разрозненные его участки уцелеют после обработки деревянных створок в полиэтиленгликолях. В целом же, добавим, кусочки воска легкие, плавают в воде, их не взять пинцетом, в пальцах они невесомы и кажутся одновременно и хрупкими, и тающими – все это затрудняло работу. Но самое главное – неуправляемые разрозненные восковые кусочки требовалось склеить. Не решить вопроса их склейки – значит никогда не привести книгу в порядок.

Требовался умеренно быстросохнувший обратимый клей типа ПБМА. Но мысль о его использовании была с разу же отвергнута, так как он разбавляется ацетоном: была тревога, что воск с текстом под действием ацетона начнет поверхностно расщепляться. Кроме того, из опыта реконструкции в 1978 г. лирообразных гуслей XI в. я знал, что к дереву, пропитанному полиэтиленгликолями, то есть искусственными восками, ПБМА приставал плохо.

Реставраторы фресок посоветовали снятый с деревянных створок воск располагать на новой основе, покрытой густым медом, дескать, чтобы воск сочетался с родственным материалом. Но результаты проб оказались плачевны: во-первых, восковые кусочки, вымытые, очищенные от грязи, не удерживались в нужном положении, во-вторых, впоследствии их вновь пришлось бы отмывать – уже от меда, а затем они опять-таки нуждались бы в склейке. Все оборачивалось напряженным, но бессмысленным трудом.

Однако совет о родственном воску клеящем веществе запомнился. И был опробован современный пчелиный воск, растворенный горячим скипидаром. Поначалу, казалось, был успех. Обломки древнего воска соединились за счет тонкой восковой прослойки. Оставалось подождать, когда испарится скипидар. Ожидание получалось долгим: жизни не хватило бы на сборку книги. Да и связь обломков была слабой и совсем не годилась для мелких, тонких восковых кусочков. Для них требовались жирные восковые прослойки с подкладками из той же разжиженной восковой массы. Все в целом вело к полному искажению размеров и форм рукописи.

Положение стало безвыходным. Сообщил Е.А. Рыбиной и В.Л. Янину, что отказываюсь от восстановления книги. И все же в поздний ночной час вновь и вновь, уже от отчаяния, взял пару восковых кусочков, на которых не было следов букв, и смазал их края раствором ПБМА. Соединил. Подождал. Вроде бы склеились. Причем лучше, чем с помощью разжиженного скипидаром воска. Так забрезжился путь к реальной починке рукописи.

Разумеется, ПБМА не во всех случаях окажется удобным. К этому клею надо будет принаравливаться: разбавлять или, напротив, извлекать пользу из его загустевшего состояния, своевременно убирать подтеки или, наоборот, использовать их для лучшей склейки. Как бы ни было, а работа началась. Не вдаваясь во многие ее подробности, остановлюсь на следующем.

Как при работе с трудночитаемыми берестяными письмами, так и при восстановлении восковой книги важно бывало понять, представить, как создавалась рукопись в древности, как, в частности, тот или иной писавший держал писало в руке. Так, при попытке определить места разрозненным, плавающим восковым обломочкам на страницах книги опыт такого рода сыграл существенную роль. Практически все обломочки, имевшие хотя бы незначительные следы прикосновения писала, выстроились в конце концов на лабораторном стекле именно в том положении, в каком они когда-то находились в неповрежденной рукописи. Взяв со стекла любой из таких обломочков на миниатюрную лопаточку, можно было искать его собственное место на той или иной странице.

Следует отметить, наконец, что подобные работы осуществимы только при тесном сотрудничестве с языковедом. Как в берестяных грамотах, так и в восковой книге, в местах текстовых утрат А.А. Зализняк предоставлял обоснованные варианты реконструкций; без таковых реставратору пришлось бы работать, что называется, с завязанными глазами.

Итак, работа по восстановлению восковой Новгородской Псалтыри смогла начаться только благодаря отвечавшему ее требованиям клею, полибутилметакрилату, свойства которого, если вспомнить, уже не раз приходили на выручку в труднейших случаях, связанных с приведением в порядок самых разных археологических находок: и, например, керамического изразца XV в. с изображением гусяра, и деревянных берестяных грамот. Вообще на восстановлении открытой в Новгороде восковой книги сказался весь многолетний опыт реставрации и разностороннего изучения древних берестяных грамот, накапливавшийся в Новгородской

археологической экспедиции, в особенности при совместных усилиях академиков В.Л. Янина и А.А. Зализняка.

Обо всем этом стало возможно рассказать уже сегодня, хотя предстоит еще немало поработать, прежде чем Новгородскую Псалтырь – древнейшую в славянском мире книгу – удастся привести к выверенному во всех отношениях и доступному для обозрения облику.

Г.Е. Дубровин, В.М. Морозов
ОБСКОЕ СУДОХОДСТВО XVI–XIX вв.
И СУДНО С ПРОТОКИ КИРЬЯС

В 1997 г. на левобережье Оби, в районе протоки Кирьяс в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа были обнаружены хорошо сохранившиеся остатки плоскодонного дощатого деревянного судна первой трети XIX в. В 1999 и 2000 гг. судно исследовалось совместной экспедицией Проблемной научно-исследовательской археологической лабораторией Уральского государственного университета (ПНИАЛ УрГУ) и Муниципального этнографического музейного комплекса г. Нижневартовска (руководитель В.М. Морозов). В публикации, подводившей предварительные итоги первого года археологических исследований, судно с протоки Кирьяс интерпретировалось как «барка»¹. Однако, указанная интерпретация далеко не бесспорна. Исследованию этой проблемы в контексте традиционного западносибирского судоходства и судостроения и посвящается предлагаемая работа (малые суда Обского бассейна типа «каюки», «обласки» и пр. здесь не рассматриваются).

Обратимся к письменным источникам, отражающим судоходство в бассейне Оби в XVI–XIX вв. В частности, в Сибирских летописях Есиповской группы встречаются следующие судовые термины: струг, судно (большое, малое), коч, дощаник (в т.ч. большой), буса, барка.

Термин «струг»* связан во всех списках и редакциях с ранним периодом освоения Западной Сибири, в частности, с походом Ермака². В сообщениях, связанных с более поздними событиями XVII–XVIII вв. струги, как правило, уже не фигурируют. Отсюда можно сделать вывод, что в XVII в. указанный судовый термин в бассейне Оби (в частности, в

* Здесь и далее выделено авторами (*Ред.*).